13/I 19г.

М. И. Либеръ-Гольдманъ.

Кризисъ революціи и задачи демократіи.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ организаціяхъ и клубахъ Р. С.-Д. Р. П. (объединенной) и Бунда.

OUK
17r

М. И. Либеръ-Гольдманъ.

Кризисъ революціи и задачи демократіи.

Докладъ, прочитанный на Чрезвычайномъ съѣздѣ Р. С. Д. Р. П. и на VIII съѣздѣ Бунда, и „Послѣсловіе“).

Государств. публич.
методическая
библиотека РСФСР

1258776

Книжек. стр. все.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемая вниманію читателя брошюра представляетъ собою докладъ, прочитанный мною на VIII съѣздѣ Бунда. Этотъ же докладъ, только въ значительно болѣе сжатомъ видѣ, былъ мною прочитанъ на чрезвычайномъ съѣздѣ РСДРП. Оба съѣзда состоялись въ первой половинѣ декабря, но брошюра эта до сихъ поръ не могла появиться, благодаря тѣмъ „независящимъ отъ автора" обстоятельствамъ, которыя стали повседневнымъ явленіемъ при новомъ „соціалистическомъ" режимѣ.

Полагая, что разбираемые въ настоящемъ докладѣ вопросы вполнѣ сохранили свой животрепещущій интересъ, я рѣшилъ, хотя и съ запозданіемъ, сдѣлать путемъ печати мой докладъ доступнымъ широкому кругу читателей.

Я читалъ свой докладъ устно, и настоящая брошюра представляетъ собою стенографическую запись. Я не счелъ себя въ правѣ подвергнуть стенограмму оглашеннаго на съѣздѣ доклада литературной обработкѣ, и потому въ изложеніи имѣются неизбѣжные техническіе недостатки.

Въ составъ настоящей брошюры мною включенъ основной докладъ и (въ сокращенномъ видѣ) заключительное слово въ отвѣтъ на возраженія моихъ оппонентовъ.

Читатель, знакомый съ моей брошюрой „Задачи рабочаго класса въ русской революціи", представляющей собою стенограмму моей рѣчи, произнесенной въ Москвѣ 9 мая 1917 года, убѣдится въ томъ, что неизбѣжность тяжелаго кризиса русской революціи и его причины были уже тогда установлены мною со всей опредѣленностью.

М. Либеръ.

Товарищи, я не могу скрыть того, что къ своему докладу о нашихъ задачахъ въ текущій политическій моментъ я приступаю на VIII съѣздѣ „Бунда", съ гораздо большимъ чувствомъ горечи, чѣмъ то, которое я испытывалъ на съѣздѣ Р. С. Д. Р. П., гдѣ мнѣ пришлось говорить по этому же вопросу. Я привыкъ къ тому, что въ рядахъ Р. С. Д. Р. П. смѣна настроеній, вслѣдствіе опредѣленныхъ условій, въ которыхъ развивается русское рабочее движеніе, совершается стихійно и катастрофически—для этого есть глубокія причины и объективное оправданіе. Но мнѣ трудно примириться съ тѣмъ, что еврейское рабочее движеніе, которое находится въ этомъ отношеніи въ иныхъ объективныхъ условіяхъ, тоже не устояло подъ напоромъ тѣхъ стихійныхъ настроеній, которыя охватили въ настоящій моментъ широкіе круги русскаго рабочаго класса. Я не могу примириться съ тѣмъ, что и въ нашихъ рядахъ приходится доказывать цѣлый рядъ такихъ положеній, которыя до недавняго времени казались элементарно простой, всѣмъ очевидной истиной, вытекающей изъ общей позиціи соціалъ-демократіи и изъ нашего представленія о характерѣ русской революціи.

Я вынужденъ начать свой докладъ съ краткаго обзора того, что было, съ выясненія того, чѣмъ, по моему разумѣнію, была февральская революція, какъ она развивалась, какія обстоятельства подготовили тотъ „соціалистическій" переворотъ, который мы въ настоящій моментъ переживаемъ, и какія движущія силы привели къ этому перевороту.

Причина революціи

Россійская революція произошла въ результатѣ неудачной для насъ войны. Россія изъ всѣхъ воюющихъ странъ первая была выбита изъ строя. Въ колоссальномъ состязаніи капиталистическихъ странъ въ этой небывалой до сихъ поръ по размѣрамъ войнѣ, Россія, какъ и слѣдовало ожидать, была первая выбита изъ сѣдла. По представленію очень многихъ нашихъ товарищей (и эти взгляды особенно широко развиты теперь въ рядахъ рабочей демократіи) своей революціей Россія совершила скачокъ, сразу поставившій ее впереди другихъ капиталистическихъ странъ; своимъ „скачкомъ" Россія даетъ примѣръ другимъ странамъ, какъ имъ поступать. Увы, въ самомъ близкомъ будущемъ, наступитъ время для трезвой оцѣнки того, что произошло, и тогда всѣ одинаково должны будутъ признать, что революція въ Россіи не знаменовала того, что Россія опередила всѣ другія капиталистическія страны; наоборотъ, она явилась неизбѣжнымъ результатомъ того, что Россія идетъ позади этихъ странъ, что вслѣдствіе низкаго уровня ея культуры, хозяйственнаго строя, экономической подготовки и государственной организованности Россія оказалась не въ состояніи выдержать состязанія съ другими капиталистическими странами, вовлеченными въ эту войну. Но наше военное пораженіе—результатъ экономической, политической, культурной и государственной

отсталости Россіи,—благодаря чрезвычайно своеобразнымъ условіямъ какъ нашей національной, такъ и международной жизни, приняло очень своеобразную внѣшнюю форму. Разыгрался трагическій маскарадъ, длящійся по сей день: явленія распада, разложенія, государственной несостоятельности и полнаго отсутствія организаціи общественныхъ силъ въ Россіи—всѣ эти продукты чисто національной слабости, воспринимаются, какъ проявленія грядущей великой соціальной революціи. А русскій крестьянинъ въ солдатскомъ мундирѣ выдвигается въ качествѣ главной боевой силы „великаго третьяго Интернаціонала", который сокрушитъ старый Интернаціоналъ и покажетъ „всѣмъ Шейдеманамъ", что такое подлинный революціонный соціализмъ, что такое подлинная революціонная борьба народныхъ массъ.

Этотъ трагическій маскарадъ могъ произойти только благодаря своеобразнымъ условіямъ нашей русской революціи.

Соціальное содержаніе русской революціи.

Какъ и въ революціи 1905 г., нашимъ величайшимъ несчастьемъ является то обстоятельство, что мы совершаемъ революцію буржуазную въ такую эпоху, когда весь капиталистическій міръ находится наканунѣ революціи соціальной; и, вслѣдствіе этого, нашу буржуазную революцію принимаютъ за начало революціи соціальной; а цѣлый рядъ проявленій этой буржуазной революціи воспринимается широкими массами, какъ начало послѣдней рѣшительной атаки рабочаго класса въ борьбѣ за его соціальное освобожденіе. Такимъ образомъ создается парадоксальное положеніе: начало великой соціальной революціи, надвигающейся на капиталистическій міръ, кладется не Англіей, не Германіей, не Америкой, не богатой революціонными традиціями Франціей, а нашей убогой Россіей; это она идетъ впереди движенія, являясь предтечей надвигающейся соціальной революціи.

Само собою разумѣется, вы не найдете ни одного „интернаціоналиста", сохранившаго въ себѣ хоть каплю марксистской совѣсти, который попытался бы марксистски обосновать такой историческій курьезъ, такое небывалое чудо.

Основное разногласіе, раздѣлявшее насъ и „интернаціоналистовъ", пріѣхавшихъ изъ-заграницы еще въ первой стадіи развитія революціи, сводилось къ тому, что наши товарищи „интернаціоналисты" разсматривали нашу революцію, какъ первое проявленіе международной соціальной революціи; они обвиняли насъ въ томъ, что мы не учитываемъ творческаго значенія колоссальныхъ революціонныхъ силъ, мобилизованныхъ войной, что своей тактикой мы растрачивали великій капиталъ надвигающейся международной соціальной революціи; намъ нужно было понять, что въ осуществленіи конкретныхъ національныхъ задачъ русской революціи заложены корни международной соціальной революціи и нужно было подхлестываніемъ нашей русской революціи форсировать европейскія событія, тогда все слилось бы въ одинъ общій потокъ соціальной революціи.

Увы, съ того времени сильно поблекъ революціонный „интернаціонализмъ". Теперь онъ выглядитъ, какъ общипан-

ная курица. Отъ всей его революціонной идеологіи, отъ его широкихъ перспективъ великой борьбы въ международномъ масштабѣ, соціальныхъ битвъ въ Европѣ—осталось очень мало. Тогда въ ихъ позиціи была хоть та заслуга, что пусть формально, но надъ ней вѣчилъ духъ революціи, теперь же въ ихъ схемахъ нѣтъ ни капли революціонности, нѣтъ и интернаціональной постановки вопроса. Почему произошла эта перемѣна?.. Да просто потому, что продѣланный въ Россійской обстановкѣ экспериментъ уже получилъ свой международный откликъ, и мы увидѣли, что чѣмъ радикальнѣе и „безпощаднѣе" были наши національные соціальные эксперименты, тѣмъ сильнѣе становилась интернаціональная реакція вокругъ, что сами рабочія массы въ Европѣ смотрятъ на этотъ экспериментъ, какъ на ударъ назрѣвавшему классовому выступленію въ международномъ масштабѣ.

Представленіе о выпавшей на долю русской революціи руководящей роли въ международной борьбѣ рабочаго класса за власть было въ основѣ своей построено на крупной ошибкѣ.

Если бы мы съ самаго начала учли, что русская революція развилась на почвѣ нашихъ собственныхъ національно историческихъ условій, мы поняли бы, что выскочить изъ національно—историческихъ рамокъ мы не можемъ. Вся трагедія русской революціи и заключается въ ея изолированности, въ томъ, что даже къ ликвидаціи войны намъ пришлось приступить въ обстановкѣ почти полной международной изоляціи. Эта трагедія лежитъ въ основѣ тѣхъ кризисовъ, которые переживала и переживаетъ наша революція на разныхъ стадіяхъ ея развитія.

Война и революція.

Уже въ самомъ началѣ нашей революціи создалась эта трагическая коллизія: Россія не могла больше воевать; у нея не было боеспособной арміи, страна была дезорганизована, продовольственный аппаратъ рушился; однимъ словомъ, надвигался полный крахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе оппозиціонное и даже революціонное во всей странѣ отнюдь не идетъ первоначально за лозунгомъ „долой войну". Этотъ лозунгъ былъ тогда непріемлемъ. Наоборотъ, всеобщее господство принадлежало тогда идеологіи революціонно патріотической; старый режимъ обвиняли въ томъ, что онъ предалъ Россію и оказался неспособнымъ защищать ее. И самое нежеланіе воевать, все болѣе охватывавшее армію, облекается въ идеологію прямо противоположную. Такъ, на историческомъ засѣданіи Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ знаменитое обращеніе къ народамъ міра, этотъ документъ, свидѣтельствующій о величіи русской революціи, было встрѣчено солдатами и матросами очень холодно; и только послѣ горячей рѣчи Чхеидзе, въ которой онъ звалъ разговаривать съ германскими имперіалистами только съ оружіемъ въ рукахъ и говорилъ, что, пока Вильгельмъ не будетъ свергнутъ съ трона, не можетъ быть и рѣчи о мирныхъ переговорахъ,—только послѣ этого воззваніе было принято. Таково было настроеніе въ тотъ моментъ.

Товарищи, „крѣпкіе задомъ умомъ", скажутъ: почему

же вы тогда не устроили того, что большевики устроили теперь? Нужно было тогда заключить сепаратный миръ и все было бы хорошо. Но тогда это было прежде всего психологически невозможно; когда Ларинъ явился съ подобнаго рода предложеніями, его встрѣтили криками „германскій агентъ". Но если бы мы даже были тогда способны стать сторонниками сепаратнаго мира—то это быть можетъ повернуло бы революцію на совершенно другой путь: буржуазія оказалась бы у руля власти, а мы были бы сметены, устранены отъ всякаго активнаго воздѣйствія на руководство политической жизнью. Народныя массы вѣрили тогда въ способность революціи быстро ликвидировать войну такъ, какъ это можетъ сдѣлать страна, гдѣ революція только что побѣдила, страна, гордая своими демократическими завоеваніями. Никому не приходила въ голову мысль, что Россія для избавленія себя отъ войны можетъ отдаться на волю побѣдителей—имперіалистовъ германскаго лагеря.

Движущія силы революціи въ 1905 и 1917 г.г.

Въ оцѣнкѣ революціи 1917 г. повторяютъ ошибки 1905 года. О движущихъ силахъ революціи судятъ потѣмъ маріонеткамъ, какія имѣются на открытой сценѣ, но истинныхъ механиковъ, тѣхъ, что стоятъ за кулисами и приводятъ въ движеніе весь театръ, не видятъ.

И въ революціи 1905 г. буржуазія на открытой аренѣ почти не выступала; на ней былъ только рабочій классъ, и голосъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ былъ тогда силенъ и властенъ. И идеологія тогда была та же. И тогда полагали, что рабочій классъ—единственная политическая сила, а буржуазія никакого значенія не имѣетъ и уже доказала свою полную несостоятельность и дряблость. Троцкій и Парвусъ провозгласили уже тогда лозунгъ рабочаго правительства. Но, увы, стоило зашевелиться подлиннымъ силамъ, стоявшимъ за кулисами, и сразу обнаружилось дѣйствительное соотношеніе силъ, скрывавшееся за игрой тѣней, происходившей на открытой политической аренѣ.

Та же исторія повторилась и въ революціи 1917 г.—Въ переживаемой нами стадіи развитія международнаго капитализма буржуазія творческую политическую роль гегемона революціонной борьбы уже играть не способна: имѣя предъ собою сплоченнаго антагониста въ лицѣ пролетаріата, буржуазія въ борьбѣ за свои классовые интересы опасается каждаго шага впередъ, чтобы не усилить позицію ея антагониста, который можетъ использовать сдѣланныя ею завоеванія. Изъ этого безспорнаго положенія дѣлаютъ совершенно ошибочное заключеніе, будто русская буржуазія уже представляетъ собой или quantite negligeable (ничтожную величину) или же силу, явно контръ-революціонную, заинтересованную не въ укрѣпленіи новаго политическаго строя, а наоборотъ, въ уничтоженіи всѣхъ завоеваній революціи. Рисуя себѣ такимъ образомъ соотношеніе силъ въ нашей революціи, они видятъ предъ собой только то, что разыгрывается на открытой аренѣ. А на открытой аренѣ у насъ въ началѣ революціи была только трудовая демократія (совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ), буржуазія же на ней себя не проявляла.

То же оказалось и на выборахъ. Населеніе Россіи пос-

мало въ разные органы самоуправленія соціалистовъ. Гдѣ же буржуазія? гдѣ ея вліяніе на широкія массы народа— на крестьянство и на мелкую буржуазію? его почти не было.

И выводъ отсюда дѣлался такой: творческія силы имѣются у демократіи; рабочіе, крестьяне и солдаты—вотъ движущія силы революціи.

А съ буржуазіей считаться не приходится: она или ничтожная величина или находится въ лагерѣ контръ-революціи.

Да, такова внѣшность и не удивительно, что широкія массы воспринимаютъ сегодня именно эту внѣшность.

Но, увы, за этой внѣшностью скрыто другое соотношеніе силъ, диктуемое экономическимъ развитіемъ Россіи.

Мы, марксисты, исходимъ изъ того положенія, что политическая роль каждаго класса находится въ зависимости отъ той экономической роли, какую онъ играетъ въ странѣ. И если мы признаемъ, что въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ Россія еще останется страной растущаго капитализма, а не гибнущаго, падающаго, мы должны прійти къ заключенію, что не крестьянство будетъ тѣмъ классомъ, который будетъ руководить развитіемъ страны и опредѣлять ея судьбы. То, что крестьяне голосовали за соціалистовъ, объясняется не тѣмъ, что Россія въ своемъ соціальномъ развитіи такъ далеко пошла впередъ, а тѣмъ, что соціализмъ крестьянскія массы воспринимаютъ не какъ таковой, а какъ способъ удовлетворенія ихъ земельныхъ нуждъ, съ одной стороны, и быстрой ликвидаціи войны съ другой.

О различіи между внѣшними движущими силами революціи въ данный моментъ и силами, опредѣляющими ея соціальное содержаніе—мы должны твердо помнить, ибо надвигается волна великаго и печальнаго "отрезвленія" народныхъ массъ. И это контръ-революціонное "отрезвленіе„ идетъ не отъ Каледина, силы котораго мы чересчуръ преувеличиваемъ, а изъ тѣхъ самыхъ народныхъ массъ, въ которыхъ мы видимъ теперь великую революціонную творческую силу.

Наша революція имѣетъ передъ собой задачи не только демократическія, но и соціальныя.

Изъ соціальныхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію въ первую очередь, революція выдвинула аграрный вопросъ. Но проведеніе въ жизнь радикальныхъ аграрныхъ реформъ можетъ быть осуществлено только при условіи участія въ движеніи народныхъ массъ въ самомъ широкомъ масштабѣ.

Аграрный характеръ русской революціи обеспечилъ ей полную поддержку широкихъ массъ крестьянства.

Но когда аграрная реформа будетъ осуществлена, огромная крестьянская масса, получивъ удовлетвореніе своихъ классовыхъ интересовъ, конечно, перестанетъ играть роль опоры демократическаго движенія.

Многіе товарищи, согласные съ такимъ прогнозомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ: пусть завтра положеніе перемѣнится—мы строимъ на сегодняшнемъ днѣ. Тѣ, которые думаютъ, что свою политическую линію партія пролетаріата можетъ строить не на перспективахъ соціальнаго развитія,

а на фактахъ сегодняшняго дня, являются проповѣдниками банкротства классовой тактики рабочаго класса.

Строя свою тактику на мимолетныхъ настроеніяхъ, они забываютъ, что наступитъ грозный день суда надъ утопической тактикой, и тогда партія, примѣнявшая ее, лопнетъ какъ мыльный пузырь, и осадокъ останется въ душѣ у людей, принимавшихъ участіе въ планахъ и дѣйствіяхъ этой партіи.

Объективныя препятствія или тактическія ошибки?

Въ нашихъ рядахъ есть много резонеровъ, воображающихъ, что тактика партіи опредѣляется нашимъ свободнымъ выборомъ. Говорятъ: мы предсказывали вамъ, что затяжная война погубитъ революцію, надо было во время внять нашему голосу и ликвидировать войну. Но вы прекрасно знаете, что ликвидація войны зависѣла не отъ насъ, и эти „умные“ совѣты обладаютъ единственнымъ, но зато весьма существеннымъ недостаткомъ, что, будь осуществленіе ихъ возможно силами русской демократіи, не было бы надобности въ этихъ совѣтахъ.

Наша революція имѣла своей задачей ликвидировать войну. Съ самаго начала революціи широкимъ кругамъ демократіи было ясно, что „или революція убьетъ войну, или война убьетъ революцію“. Въ этомъ изреченіи была горькая правда, но, увы, изъ одного противопоставленія „или—или“ дѣйствительность не дала намъ выбирать одно изъ этихъ „или“, потому что война велась не одной Россіей. Революція, рожденная войной, была въ зародышѣ ею отравлена. Война не давала развиваться творческимъ силамъ для закрѣпленія завоеваній революціи, парализовала всѣ ея порывы.

Намъ говорятъ: вы задержали войну тѣмъ, что въ Россіи не дѣйствовали такъ, чтобы показать рабочему классу всѣхъ странъ, что у насъ нѣтъ политики двуличія; вы обратились съ воззваніемъ къ народамъ міра о прекращеніи войны, а у власти у себя вы оставили буржуазію, мѣшающую прекращенію войны. Но вотъ „буржуазія“ свергнута, „коалиція разстрѣляна“, а соціалистическая Европа, весь соціалистическій міръ, какъ реагировалъ онъ на этотъ переворотъ? Уже не словами, а фактами дѣйствуетъ Россія: полтора мѣсяца прошло со времени „великаго“ октябрьскаго переворота. Гдѣ же этотъ сдвигъ? Наоборотъ, трезвый рабочій классъ капиталистической Европы говоритъ, что русскій соціальный экспериментъ парализуетъ возможность единой революціонной интернаціональной борьбы. Наши товарищи ошиблись въ своей оцѣнкѣ положенія вещей въ Европѣ. Зараженные Ленинскими представленіями о сущности революціи, они воображаютъ, что ее можно „заказывать“ по желанію, назначать, что ее можно вызывать къ опредѣленному моменту: такъ какъ логика событій требуетъ того, чтобы революція произошла теперь, то она произойдетъ. Нѣтъ, простите, этого еще мало: революція не Lust Reise, не свадебная поѣздка, не тотъ лучшій путь, который выбираетъ народъ, а, наоборотъ, это послѣдній путь, путь отчаянія, на который народъ идетъ, когда у него нѣтъ другихъ путей, нѣтъ другихъ возможностей. Слишкомъ часто забываютъ, что если у насъ въ Россіи, кромѣ революціи, другихъ путей не было, то въ Европѣ еще остались пути. Тамъ демократическій строй не

умеръ и не переживаетъ агоніи,—и ждать, что въ Европѣ вспыхнетъ сразу соціальная революція, которая нанесетъ быстрый ударъ капитализму и подоспѣетъ по времени къ нашей революціи, по меньшей мѣрѣ наивно. Дѣло въ международномъ масштабѣ происходитъ не такъ, какъ представляютъ себѣ наши интернаціоналистическіе генералы Пфули: „die erste Kolonne marchiert, die zweite Kolonne marchiert“ и т. д.

Если и въ національномъ масштабѣ мы не можемъ вести революцію на манеръ стройныхъ маневровъ, то тѣмъ болѣе на всемірной аренѣ нельзя опредѣлить, въ какой моментъ двинется первая колонна, вторая колонна и т. д., и совершится тотъ переворотъ, который намъ такъ нуженъ, и котораго мы такъ жаждемъ.

Для ликвидаціи войны русская революція не могла собственными силами въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ ей пришлось развиваться, сдѣлать все, что отъ нея требовалось. Я далекъ отъ того, чтобы оправдывать всѣ шаги Временнаго Правительства, да и стыдно было бы въ нашихъ рядахъ возлагать на соціалдемократію отвѣтственность за все то, что совершило Временное Правительство. Такъ выгодно было изображать дѣло большевикамъ. Они говорили, что во всемъ виновата коалиція. Коалиція, конечно, представляетъ собой соединеніе нѣсколькихъ силъ во многомъ антагонистическихъ и, слѣдовательно, участвуя въ ней, представителямъ рабочаго класса приходилось учитывать вліяніе и вѣсъ другихъ классовъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ данныхъ условіяхъ проводить болѣе рѣшительную политику, чѣмъ та, какую вела соц. демократія въ коалиціи. Слишкомъ большія, не поддающіяся нашему воздѣйствію, силы господствовали надъ нами.

Ни въ одинъ историческій моментъ мы не испытывали такого исключительнаго трагизма; все ясно, заранѣе можно предсказать, что произойдетъ, видишь, какъ все рушится, летитъ въ пропасть, и сознаешь, что нѣтъ силъ, при помощи которыхъ можно задержать эту гибель революціи.

Роль разныхъ классовъ въ нашей революціи.

Перехожу къ оцѣнкѣ роли разныхъ классовъ въ русской революціи.

Въ оцѣнкѣ значенія буржуазіи я не вижу основаній отказаться отъ тѣхъ нашихъ позицій, которыя мы установили еще тогда, когда наростала революціонная волна 1905 г. Революція 1905 г. была буржуазной, и вслѣдствіе этого объективно, по своимъ соціальнымъ, классовымъ интересамъ, буржуазія заинтересована была въ водвореніи новаго политическаго строя въ Россіи. Если и теперь мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что наша революція буржуазная, то считать буржуазію контръ-революціоннымъ классомъ нельзя. Если же мы станемъ на ту точку зрѣнія, что наша революція соціальная, то понятно, буржуазію мы должны будемъ считать контръ-революціонной. Въ нашей буржуазной революціи происходитъ борьба между демократическими слоями и буржуазіей из-за степени демократизаціи государства. Въ нашей революціи нѣтъ еще той дифференціаціи, при которой сплошной стѣной стояль бы одинъ классъ противъ другого: пролетаріатъ—противъ буржуазіи. Если вы провѣрите это на фактахъ, а не на фразахъ большевистской демагогіи, вы должны буде-

то установить, что въ отношеніи основныхъ демократическихъ завоеваній буржуазія до сихъ поръ не оказывала сопротивленія самымъ демократическимъ требованіямъ пролетаріата; всеобщее избирательное право, Учредительное Собраніе, введеніе демократическихъ органовъ самоуправленія городскихъ и земскихъ на такихъ принципахъ, о которыхъ только мечтаютъ въ другихъ странахъ—всѣ эти требованія не были завоеваны путемъ баррикаднаго боя. Характерно, что всѣ крупныя завоеванія революціи были достигнуты при первомъ, не коалиціонномъ, правительствѣ. Да и возникла февральская революція отнюдь не какъ бой рабочаго класса противъ буржуазіи,—это была революція общенаціональная во имя созданія новаго строя.

Основнымъ классомъ, налагающимъ самый рѣзкій отпечатокъ на всю нашу революцію, является, конечно, крестьянство.

Революція 1905 года погибла потому, что крестьянство оказалось неспособнымъ къ національной государственной роли, и поэтому движеніе его въ 1905 г. разбилось на рядъ „иллюминацій“ въ разныхъ концахъ страны, не создавъ здоровой основы для общенаціональнаго движенія. Я полагаю, что значительныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло.

О крестьянствѣ и теперь можно говорить, какъ о сильномъ таранѣ противъ стараго строя, какъ о боевой силѣ, чтобы бить противъ стараго порядка. Наше крестьянство сохранитъ свои радикальныя устремленія, пока не будутъ удовлетворены его аграрныя требованія, но надѣяться на сохраненіе имъ демократическихъ устремленій послѣ того, какъ эти требованія будутъ удовлетворены, не приходится. Въ лучшемъ случаѣ оно явится опорой консерватизма,—въ лучшемъ смыслѣ слова, т. е. въ смыслѣ установленія прочныхъ основъ буржуазно-демократическаго порядка. Мыслить крестьянство, какъ попутчика пролетаріата по пути соціальной революціи, могутъ лишь безнадежные утописты.

Разладъ національной революціи и ея политическіе кризисы.

Подъ вліяніемъ указанныхъ мною причинъ, на нашихъ глазахъ единая революція 1917 г., какъ это было и въ 1905 г., постепенно распадается, и центробѣжныя силы начинаютъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Прежде всего это начинается на почвѣ вопроса о ликвидаціи войны. Массы постепенно начинаютъ чувствовать себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ; революція длится, а война не кончается, разруха въ странѣ продолжается, и революція не въ силахъ справиться съ тѣми бѣдствіями, которыя ее породили. На этой почвѣ въ массахъ развивается нетерпѣніе, разочарованіе, озлобленіе. Это нетерпѣніе, ожиданіе чуда, моментальнаго дѣйствія—очень характерно для народа, не имѣющаго опыта государственнаго строительства; но въ нашей россійской обстановкѣ оно было воспринято, какъ революціонный энтузіазмъ народа, дающій право призывать къ рѣшительнымъ “безоговорочнымъ„ революціоннымъ дѣйствіямъ и ударамъ. Революція, происшедшая на 3-мъ году войны, оказалась неспособной ни кончить войну ни продолжать ее. Чтобы укрѣпить свои завоеванія, революціи нужно было заняться творческой работой въ области хозяйст-

военной и государственной. Но тутъ мы оказались передъ неразрѣшимой задачей, предъ новой квадратурой круга: сама революція явилась въ результатѣ сказавшейся въ міровомъ конфликтѣ государственной, хозяйственной и культурной отсталости Россіи. Преодолѣть эту отсталость можно было только общенаціональнымъ напряженіемъ творческихъ силъ, что невозможно было въ обстановкѣ войны. Между тѣмъ ликвидація международной войны одними усиліями Россіи—явно неосуществима.

И вотъ озлобленныя, полныя нетерпѣнія массы мечутся изъ стороны въ сторону, ищутъ выхода, сбрасываютъ съ пьедестала каждый мѣсяцъ своихъ любимцевъ, выдвигаютъ новыхъ „героевъ". Смѣна вліяній партій происходитъ съ катастрофальной быстротой. При выборахъ въ Минскую городскую думу эсэры получили 20.000 голосовъ, на выборахъ въ Учредительное Собраніе они получаютъ по городу Минску 600 голосовъ. Большевики считаютъ это естественнымъ: произошло, дескать, отрезвленіе народа; народъ увидѣлъ, гдѣ его подлинные друзья, и гдѣ его враги, онъ смелъ враговъ и теперь онъ сознательно пошелъ за большевиками. Но вы прекрасно знаете, что новая перемѣна это, быть можетъ, вопросъ дней. Въ любой день въ Смольномъ можетъ оказаться то же, что случилось въ желѣзномъ шкафу мадамъ Эмберъ. Когда ея „грандіозное милліардное предпріятіе" было ликвидировано, то въ шкафу вмѣсто капиталовъ нашли двѣ мѣдныя пуговицы. Въ одинъ прекрасный день, когда придутъ въ Смольный, тамъ тоже ничего не найдутъ; Зиновьевъ окажется въ международной делегаціи, другіе въ другомъ мѣстѣ, и весь большевизмъ исчезнетъ такъ же быстро, какъ онъ всплылъ.

Это будетъ только одинъ изъ этаповъ въ лихорадочной смѣнѣ настроеній, питающейся неустойчивостью нашей жизни въ обстановкѣ постепеннаго крушенія революціи.

Отсутствіе какихъ бы то ни было навыковъ къ политической самодѣятельности; воспитанная вѣками привычка ждать всего сверху, еще болѣе усиленная агитаціей бланкистовъ—большевиковъ, вселявшихъ въ массы вѣру въ чудотворчество энергичной однородной центральной власти—все это привело къ тому, что вопросъ о формѣ организаціи власти сталъ центральнымъ пунктомъ всѣхъ политическихъ кризисовъ. Сегодня причиной всѣхъ бѣдствій объявляется власть буржуазіи, завтра—коалиціонная, потомъ большевистская и т. д. И все время игнорируются тѣ объективныя препятствія, которыя встрѣчаетъ каждое правительство.

Наиболѣе ненавистнымъ теперь является принципъ коалиціонной власти.

Я считаю недоразумѣніемъ, когда, говоря о коалиціи, разумѣютъ обязательно коалицію соціалъ-демократіи съ буржуазными партіями. Съ перваго дня революціи до сегодняшняго дня я отрицаю цѣлесообразность участія соціалъ-демократіи въ коалиціонномъ правительствѣ. Но совершенно другое дѣло, когда рѣчь идетъ о самомъ принципѣ коалиціи. Въ положеніи, какое переживаетъ Россія, наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ страны коалиціонное правительство, даже болѣе, правительство общенаціональное, дѣловое, составлен-

ное для осуществленія минимальной опредѣленной программы, состоящей изъ 2 3 пунктовъ. Но теперь рѣчь идетъ о прошломъ.

Я хочу указать, почему идея коалиціи возникла, и почему она была „разстрѣлена".

Причины образованія и паденія коалиціи.

Въ революціи обнаружилась колоссальная трещина; недовольство широкихъ массъ выросло на почвѣ разочарованія въ демократической революціи, на почвѣ крушенія ихъ прежней увѣренности, что революція можетъ творить чудеса. Эта трещина увеличилась, благодаря тому, что у власти стояли буржуазные демократы. Создалось двоевластіе: рука объ руку существовали Временное Правительство и совѣты рабочихъ депутатовъ. Ни одного отвѣтственнаго шага правительство не могло предпринять, не прибѣгая къ помощи совѣтовъ.

Для уничтоженія создавшагося „двоевластія" были слѣдующіе выходы: или вся власть буржуазіи, или вся власть совѣтамъ, или же коалиція.

Начну съ перваго выхода—вся власть буржуазіи. Формально это было возможно, но реально въ распоряженіи буржуазіи не было той силы, при помощи которой она могла бы удержать въ своихъ рукахъ власть; она не имѣла въ своемъ распоряженіи арміи.

Второй выходъ—вся власть совѣтамъ.

Прежде всего маленькая историческая справка. Товарищи, принимавшіе активное участіе въ Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, знаютъ, что къ намъ въ первый мѣсяцъ послѣ революціи являлись армейскія делегаціи и допытывали насъ „съ пристрастіемъ": правда ли, что вы покушаетесь на власть, правда ли, что вы мѣшаете работать Временному Правительству. Мы, въ томъ числѣ гражданинъ Стекловъ, всячески ихъ успокаивали, увѣряли, что мы на власть не претендуемъ.

Исторія нашей революціи кратка, но ее уже успѣли забыть. Изучайте ее по документамъ, и вы увидите, что если бы мы въ тотъ моментъ попытались взять въ свои руки власть, мы не удержали бы ея.

Есть у насъ товарищи, которые думаютъ, что дѣло большевиковъ по существу очень хорошее, но только сами большевики плохіе люди; если бы ихъ дѣло поручить не большевикамъ, людямъ со складною совѣстью, а хорошимъ людямъ, напримѣръ интернаціоналистамъ, то все было бы хорошо. Но забываютъ, что дѣло плохо не отъ того, что его дѣлаютъ большевики, а что плохое дѣло могутъ дѣлать только большевики. Въ какомъ смыслѣ большевистскій захватъ власти плохое дѣло? Въ томъ, что они силой навязываютъ свою диктатуру широкимъ массамъ, что силой оружія они создаютъ правленіе меньшинства надъ большинствомъ, т. е. творятъ дѣло, къ которому мы, соц.-дем., органически не способны.

Тов. Заславскій въ одной изъ своихъ статей удивлялся тому, что Троцкій и Ко не могли найти болѣе оригинальныхъ методовъ управленія, а повторяютъ методы самодержавія. Я думаю, что здѣсь удивляться нечему: когда творятъ дѣло самодержца, то это можно дѣлать только такимъ путемъ,

какъ это дѣлаютъ большевики, и если бы *мы* взяли тогда власть, *мы* были бы иниціаторами гражданской войны. И тѣ товарищи, которые, завидуя лаврамъ большевиковъ, полагаютъ, что намъ тогда слѣдовало продѣлать авантюру захвата власти, забываютъ, что въ такомъ случаѣ всѣ проклятія, которыя неизбѣжно падутъ на голову авантюристовъ, погубившихъ Россію революцію и всѣ демократическія завоеванія, пали бы на нашу голову. Поэтому мы, предвидѣвшіе этотъ путь авантюры, не могли на него вступить.

Остается коалиція, въ чудодѣйственную творческую силу которой никто изъ насъ не вѣрилъ. Но когда вы видите бочку съ разъѣхавшимися клепками, у васъ является естественное стремленіе сковать ее обручами, при чемъ знаешь заранѣе, что обручъ не есть творческая сила. Нужно было спасать государственный аппаратъ, не допускать развитія упадочныхъ, рвущихъ въ разныя стороны силъ, и наша партія, партія государственниковъ, стоящая на точкѣ зрѣнія защиты демократическихъ завоеваній новаго строя, предвидя эту катастрофу, напрягала всѣ усилія, чтобы не дать этой борьбѣ разгорѣться. Мы не боялись ради этой цѣли жертвовать людьми, жертвовать своимъ именемъ и популярностью въ массахъ даже тогда, когда мы знали, что жертвы безнадежны, надѣясь этимъ путемъ отодвинуть кризисъ. И тотъ кризисъ, который произошелъ на 9-мъ мѣсяцѣ революціи, произошелъ бы гораздо раньше, если бы не нашлось достаточно сильныхъ устремленій въ широкихъ массахъ, которыя въ то время шли за нами, чтобы эту тактику скрѣпленія поддерживать.

Большевистскій переворотъ назрѣвалъ. Вътотъ моментъ, когда Ленинъ появился на Петроградскомъ горизонтѣ и провозгласилъ свои „тезисы“, его выступленія встрѣчались здоровымъ гомерическимъ хохотомъ. Но мы знали, что Ленинцы строятъ свои расчеты на чемъ то опредѣленномъ. Многіе наши товарищи, страдающіе боязнью одиночества („horror vacui“), говорятъ: большевики не одиноки, они ведутъ за собой массы. Это курьезнѣйшее недоразумѣніе. Никакихъ массъ большевики за собой не ведутъ, они сами ташатся за этими массами; они не вели массы за своей программой, а являлись выразителями ихъ временныхъ настроеній и устремленій. А мы этого не дѣлали, считая недопустимымъ для соціалдемократіи защищать въ угоду массамъ требованія, противорѣчащія интересамъ рабочаго класса и демократіи. Мы высказывались противъ этихъ требованій и теряли популярность. Часъ день за днемъ „снимали съ постовъ“, а они просто шли за теченіемъ, и какъ только поднималась новая волна, они шли за нею; любое требованіе они поддерживали, и поэтому легко завоевывали симпатіи массъ. Настроеніе массъ становилось все болѣе упадочнымъ, и это разчарованіе въ демократической революціи создавало почву для быстрыхъ побѣдъ большевиковъ.

На съѣздѣ совѣтовъ въ національномъ вопросѣ большевики придерживались демагогической тактики, увѣковѣченной въ исторической борьбѣ братьевъ Гракховъ за аграрную реформу. Желавшіе сорвать эту реформу подкуп-

ленные демагоги говорили: то, что вамъ предлагаютъ Гракхи—пустякъ, мы вамъ дадимъ гораздо больше, а когда Гракхи удовлетворяли и это требованіе, демагоги снова обѣщали дать еще больше. Такъ было съ Финляндіей, такъ было съ Украйной, такъ было при всѣхъ выступленіяхъ представителей національностей.

Большевики подготовляли центробѣжныя силы, организовывали ихъ, провоцировали, давали извѣстное идеологическое обоснованіе разрозненнымъ устремленіямъ отдѣльныхъ солдатъ и рабочихъ и превращали все это стихійное недовольство въ коллективную разрушительную силу.

А между тѣмъ, разочарованіе въ завоеваніяхъ революціи въ массахъ нарастаетъ все больше и больше, пока не создалась возможность октябрьскаго переворота.

Что такое возстаніе 25 октября?

Различіемъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ опредѣляется и различіе въ нашей тактикѣ.

Въ такъ называемомъ большевистскомъ движеніи имѣется причудливая смѣсь двухъ элементовъ: анархическаго и явно контръ-революціоннаго. Контръ-революціонный элементъ въ этомъ движеніи не является случайнымъ, привходящимъ: онъ приносится не Герасимовыми, Шнеурами и другими патентованными охранниками.

Было бы болото, а черти всегда найдутся. Какъ Андреевскія „черныя маски", всевозможныя темныя личности устремляются на огонь, туда, гдѣ жаренымъ пахнетъ. А поскольку въ это движеніе вовлечена нѣкоторая часть рабочаго класса, она вноситъ извѣстныя анархо-синдикалистскія устремленія. А огромная масса крестьянъ, солдатъ и такъ называемой „бѣдноты", охваченная разочарованіемъ въ революціи, въ демократіи и отвращеніемъ къ новымъ демократическимъ органамъ, придала исключительно озлобленный характеръ всему стихійному большевизму.

Если бы октябрьское возстаніе было новой побѣдоносной революціонной волной, развѣ мы наблюдали бы по всей Россіи картины, когда достаточно нѣсколькихъ десятковъ штыковъ, чтобы разогнать представительные органы, гдѣ преобладаютъ соціалисты, гдѣ буржуазія представлена въ ничтожномъ числѣ.

Чѣмъ объясняется это озлобленіе или въ лучшемъ случаѣ равнодушіе широкихъ массъ къ органамъ всеобщаго избирательнаго права, къ органамъ самоуправленія?

Огромныя массы, вовлеченныя въ февральскую революцію, когда такъ легко оказался свергнутымъ старый режимъ, вѣрили, что новый строй разрѣшитъ всѣ вопросы; теперь они въ этомъ разочаровались, къ нимъ вернулись, если не старыя симпатіи, то давнишнее равнодушіе къ демократіи.

Не отрицая быстраго роста контръ-революціонныхъ настроеній въ массахъ, многіе товарищи не замѣчаютъ отраженія этихъ настроеній въ большевизмѣ.

Они считаютъ стихійное большевистское движеніе, пусть уродливымъ, но все же революціоннымъ движеніемъ, выявляющимъ революціонную соціальную силу рабочаго

класса. Но тогда возникаетъ вопросъ: а въ органахъ самоуправленія кто сидитъ—„революція или контръ-революція“.? И когда эти органы, избранные на основѣ всеобщаго избирательнаго права выступаютъ въ защиту правъ своихъ избирателей, въ защиту свободы слова, совѣсти и другихъ завоеванныхъ свободъ, являются ли ихъ члены контръ-революціонерами, организующими гражданскую войну, а разстрѣливающіе ихъ солдаты и красногвардейцы революціонерами?

И когда говорятъ, что этимъ „революціонерамъ“, разгоняющимъ революціонные органы самоуправленія и народовластія, нужно дать отпоръ, наши товарищи отказываются отъ активной защиты завоеваній революціи, усматривая въ этомъ „участіе въ гражданской войнѣ“.

Чтобы установить подлинный характеръ движенія нужно за его внѣшними формами разглядѣть его подлинное соціальное содержаніе.

Что явилось главной движущей силой большевистской “соціальной„ революціи?

Движущей силой соціальной революціи мы привыкли считать рабочій классъ, между тѣмъ всѣ знаютъ, что рабочій классъ сперва съ недоумѣніемъ встрѣтилъ большевистскую авантюру, онъ не понялъ ея и лишь искусственно былъ въ нее вовлеченъ. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ нѣтъ солдатскихъ гарнизоновъ, гдѣ былъ бы соблазнъ опереться на силу штыковъ, тамъ рабочіе дѣйствовали не по большевистской программѣ: тамъ они проводили нашу программу, наши требованія.

Когда произойдетъ полная демобилизація арміи, и „борцы за соціализмъ“—солдаты-уйдутъ по домамъ, что останется тогда отъ всей “соціальной„ революціи?

Конечно, нельзя все стихійное большевистское движеніе окрасить въ одинъ цвѣтъ; въ немъ, какъ я уже сказалъ, сплетаются двѣ струи: анархо-синдикалистская и контръ-революціонная. И подлинная контръ-революція придетъ не отъ Каледина, который не имѣетъ и не можетъ пока имѣть за собой народныхъ массъ, на которыя онъ бы могъ опереться. Она придетъ изъ глубинъ тѣхъ народныхъ массъ, которыя большевикамъ ведетъ за собою.

Разочаровываясь въ завоеваніяхъ революціи, онѣ постепенно готовятъ почву для бонапартистскаго переворота и во всякомъ случаѣ создадутъ прочную опору для контръ-революціоннаго движенія.

Фронтъ революціи.

И предъ всякимъ революціоннымъ соціалдемократомъ, сознающимъ, что безъ демократическихъ завоеваній рабочій классъ существовать не можетъ, долженъ встать вопросъ: гдѣ же теперь фронтъ революціи? Я отвѣчаю: онъ тамъ, гдѣ стоятъ на стражѣ ея завоеваній, гдѣ сплачиваются для защиты демократическаго строя.

Поэтому тактика, получившая названіе „вилкизмовой“, тактика систематическаго размагничиванія революціоннаго настроенія, тактика угашенія всякаго здороваго чувства протеста противъ разгрома всѣхъ достояній революціи, должна быть рѣшительно и съ негодованіемъ отвергнута всякимъ революціоннымъ соціалдемократомъ.

Роль Совѣтовъ Р., С. и Кр. Деп.

Этимъ предрѣшаются и остальные вопросы.

За недостаткомъ времени я остановлюсь кратко на вопросѣ объ участіи въ Совѣтахъ. Любопытно, какъ измѣнилась въ нашихъ рядахъ оцѣнка самаго значенія Совѣтовъ.

Молодымъ членамъ нашихъ организацій я напомню, что вопросъ объ участіи въ Совѣтахъ не новъ для Бунда; въ 1905 г. мы рѣшили его опредѣленно. Въ резолюціи, которую мы тогда приняли, мы говорили: Совѣты—прекрасная организація для выявленія революціоннаго настроенія рабочихъ массъ въ моментъ революціоннаго подъема, въ моментъ крупныхъ политическихъ дѣйствій массъ, но когда страна входитъ въ полосу органической творческой работы, эти организаціи не удовлетворяютъ своему назначенію. Теперь вопросъ значительно сложнѣе.

Какъ мы до недавняго времени оцѣнивали Совѣты? Мы говорили, что эти временные органы являются тѣми „лѣсами“, которые нужны при созданіи новой демократической государственности, и въ этомъ смыслѣ за ними колоссальная историческая заслуга. Заслуга Совѣтовъ революціи 1917 г. въ томъ, что, когда элементы новой государственности отсутствовали, они являлись единственными органами, спасавшими демократію и создававшими опору для защиты революціи отъ покушеній на нее.

И вотъ теперь, когда создались органы самоуправленія городского и земскаго, избранные на самой демократической основѣ, когда произошли выборы въ Учредительное Собраніе, то, увы, даже въ нашихъ рядахъ въ послѣднее время производится нѣкоторая „переоцѣнка“, начинаютъ устанавливаться разныя степени демократизма, при чемъ учрежденіемъ высшей пробы демократизма объявляются совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а низшей пробы—парламентскія учрежденія, вышедшія изъ „буржуазнаго предразсудка“—всеобщаго избирательнаго права.

Но пока изъ нашей программы не выброшено требованіе всеобщаго избирательнаго права. А всякая попытка противопоставить совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ органамъ, избраннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, создаетъ почву для преторьянства и подрываетъ авторитетъ демократическихъ органовъ, эту естественную арену для концентраціи силъ революціи.

И даже теперь, когда Совѣты по декрету большевистскаго правительства стали единственными органами власти на мѣстахъ, находятся товарищи, которые предлагаютъ намъ, не отказываясь отъ борьбы съ большевиками, считаться съ тѣмъ, что за большевиками идутъ массы, и потому принимать участіе и въ Совѣтахъ, этихъ мѣстныхъ органахъ большевистской власти.

А остатки своей марксистской соціалдемократической совѣсти эти товарищи успокаиваютъ тѣмъ, что рекомендуютъ участвовать въ Совѣтѣ и отказываться отъ участія въ исполнительномъ комитетѣ.

Любопытно было бы выслушать защиту этой позиціи на широкомъ собраніи въ такихъ городахъ, гдѣ по предписанію Совѣта творятся насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ, гдѣ Совѣты сдѣлались органами ненавистныхъ узурпато-

ровъ, захватчиковъ и т. д

Отвѣтъ мой ясенъ. Мы не можемъ принимать никакого участія въ тѣхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, которые стали органами власти. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стали органами власти большевиковъ, мы заявляемъ: къ органамъ власти, творящимъ насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ, мы примкнуть не можемъ и отказываемся принимать участіе въ его „законодательныхъ“ и въ его исполнительныхъ учрежденіяхъ.

Еще нѣсколько словъ о нашемъ участіи въ большевистскомъ Ц. И. К-тѣ. Даже въ нашихъ рядахъ есть товарищи, которые рѣшаются защищать необходимость нашего участія въ Ц. И. К. Товарищи, я не буду характеризовать того, что тамъ происходитъ; напомню только одно: вѣдь уже наплись любители такой тактики, которые дали намъ практическій урокъ, они вошли туда—эти „викжелисты“ всѣхъ родовъ оружія. И вотъ Ц. И. К-тъ вершитъ и законодательствуетъ. О чемъ знаетъ страна? О томъ, что „викжелисты“ протестовали противъ той или иной мѣры или о дѣлахъ самого Ц. И. К. Страна знаетъ только объ этихъ дѣлахъ. И жалкой попыткой успокоить свою политическую совѣсть является проведеніе аналогіи между участіемъ въ парламентѣ и въ Ц. И. К.

Внѣшній признакъ „выборности“ здѣсь никакой роли играть не можетъ.

Наша позиція ясна. Стоя на почвѣ полной самостоятельности классовой позиціи пролетаріата, мы не должны принимать участія и во власти, которая будетъ формироваться Учредительнымъ Собраніемъ. Такъ какъ партія эсеровъ въ Учредительномъ Собраніи будетъ большинствомъ, пусть она возьметъ въ свои руки власть; мы должны ей пожелать всякихъ успѣховъ на этомъ пути, а сами мы займемся классовой организаціей пролетаріата.

Но для этого наши соціал-демократическія позиціи должны быть безукоризненны—никакихъ перекидныхъ мостовъ между нами и большевиками, произведшими контръреволюціонный переворотъ, быть не можетъ. Этимъ мы будемъ отгораживаться не отъ массы, которая идетъ за большевиками, а отъ тѣхъ, которые возглавляютъ переворотъ. Мы должны сохранить незапятнаннымъ имя соціалдемократіи. Не поддавайтесь, товарищи, настроеніямъ, господствующимъ теперь. Успѣхъ ихъ будетъ кратковременнымъ, и было бы печально, если бы съѣздъ нашъ прошелъ подъ знакомъ преходящихъ настроеній, которыя однако разрушаютъ самыя основы для развитія здоровой классовой соц.-демократической партіи.

Заключительное слово.

Я перехожу къ болѣе или менѣе систематизированному отвѣту на поставленные мнѣ вопросы.

форма власти и кризисъ революціи.

Прежде всего, объ участіи во власти.

Даже такъ называемый „центръ“ нашей партіи чрезвычайно глубоко зараженъ бланкизмомъ, вѣрой въ чудодѣйственную мощь власти, какъ таковой. Нужно энергично взять

власть въ свои руки и тогда при пассивномъ сочувствіи одной части, можно даже при активномъ противодѣйствіи другой части населенія вершить чудеса.

Наоборотъ, отказъ соціалдемократіи отъ власти свидѣтельствовалъ бы о томъ, что мы поставили крестъ надъ революціей, ибо для политическаго творчества нужна власть, и кто отъ руля власти ушелъ, тотъ тѣмъ самымъ обрекъ себя на полную невозможность двинуть дальше революцію. Это одинъ изъ варіантовъ теоріи, такъ отвѣчающей творческой пассивности русскаго народа, его вѣрѣ въ чудеса. Народъ полагаетъ, что вся судьба страны въ рукахъ того, кто стоитъ у власти: если власть будетъ принадлежать цѣликомъ одной какой либо группѣ, она сможетъ выполнить все; если же она не выполнитъ, значитъ она измѣнила народу: нужно тогда эту группу свергнуть, поставить на ея мѣсто другую, и всѣ препятствія будутъ устранены.

„Разстрѣливая“ въ Зимнемъ дворцѣ „коалицію“, народъ разстрѣлялъ свою вѣру въ демократическое правительство, въ творческія силы власти демократіи, въ которой народъ извѣрился.

Тѣ, которые хотятъ насъ увѣрить въ томъ, что если бы мы въ свое время взяли въ руки власть, то чудо спасенія страны совершилось бы, какъ бы забываютъ о томъ, что власть по существу можетъ творить только изъ того матеріала, который подготовленъ страной.

Коалиціонную власть здѣсь обвиняли въ томъ, что она анархизировала страну, что Временное Правительство ничего не дѣлало для того, чтобы устранить разруху.

А вотъ если бы создали однородную соціалистическую власть, все пошло бы тогда по иному.

Стоило бы „однородной“ власти взять промышленность въ свои руки, и все расцвѣло бы: шахты заработали бы, на фабрикахъ было бы сырье, на заводахъ—уголь, промышленность была бы организована и т. д. Такіе упростители вопроса не видятъ того, что промышленность погибла не потому, что она не была организована правительствомъ, а потому, что рушились всѣ силы, питавшія ее, и промышленность катастрофически падала.

Наши сторонники соціалистической власти должны благословлять судьбу, которая, благодаря большевистской авантюрѣ, не дала имъ взять „строительство“ промышленности въ свои руки и показать всей странѣ, какъ „прекрасно“ они ее организовали бы.

Но намъ говорятъ: „что было бы съ нами, еще неизвѣстно, а вы то уже провалились—исторія доказала, что коалиція разбита“.

Вернемся къ недавнему прошлому, къ Демократическому Совѣщанію.

Товарищи, вѣрящіе въ чудеса, говорятъ: Демократическое Совѣщаніе могло организовать однородную власть, но оно этого не сдѣлало, и въ этомъ преступленіи виновны руководящіе круги нашей партіи.

Да, тамъ можно было организовать новую власть и въ тотъ моментъ даже безкровно.

Какъ одинъ изъ тѣхъ, которые вели переговоры съ

Керенскимъ, я долженъ сказать, что онъ благословилъ бы тотъ моментъ, когда мы взяли бы у него власть. Но это была бы именно „безпровная" власть, власть, не имѣющая въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ жизни.

Власть демократическая не можетъ существовать безъ опоры въ странѣ.

Можно было бы брать власть такъ, какъ ее „брали" Ленинъ и Троцкій, которые черезъ гору труповъ установили свою диктатуру. Устанавливать безъ Ленинскаго террора однородно-демократическую власть, создавать безъ системы кровавыхъ насилій диктатуру надъ огромной массой буржуазіи, надъ могущественнымъ классомъ капиталистовъ, который, конечно, продолжалъ бы оказывать сопротивленіе, было невозможно.

Дѣло было не въ торжествѣ принципа коалиціи или однородной власти, а въ томъ, откуда новое „однородное" правительство найдетъ силу, чтобы изъ „ничего" создать „что нибудь".

Въ чемъ эта власть могла бы проявиться? На какіе классы она могла опираться? Какія дѣйствія могла она совершить?

Насъ пытаются уговорить, что, если бы мы осуществили тѣ требованія крестьянства и рабочаго класса, которыя могли быть осуществлены въ данный моментъ, мы нѣкоторое время могли бы удержаться.

Но осуществленіе этихъ требованій невозможно было не потому, что это встрѣчало сопротивленіе. Теперь сопротивленія нѣтъ, теперь намъ каждый день преподносятъ по куску „соціализма". Такъ въ одинъ день мы по декрету всѣ превратились въ домовладѣльцевъ. Но развѣ кто-нибудь замѣтилъ эту перемѣну? Стали ли послѣ этого наши квартиры теплѣе, комнаты удобнѣе? Изданъ декретъ о контролѣ предпріятій. Что жъ промышленность отъ этого расцвѣла? Ни въ малѣйшей степени. Разруха наоборотъ еще усилилась.

Возьмите любую область—вездѣ одно и то же.

Наконецъ, въ основномъ вопросѣ, въ вопросѣ о мирѣ, „саботажниковъ" отъ вопросовъ международной политики устранили, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ сторону заключенія сепаратнаго мира, но сепаратный-то миръ заключенъ?

Теперь иногда большевики вынуждены произносить такія же рѣчи, какія произносили мы прежде. Теперь даже Шляпниковъ, являясь на заводъ, доказываетъ чернорабочимъ, что ихъ чрезмѣрныя требованія неосуществимы, но рабочіе въ отвѣтъ на это заявляютъ: „мы этихъ прохвостовъ больше на заводъ теперь не пустимъ".

Вотъ они—чудеса однородной власти, творящей безпрепятственно, энергично рѣшительную демократическую политику, не анархизирующую страну.

Но сторонники „соціалистической" власти не унываютъ. Теперь они утѣшаютъ себя тѣмъ, что въ этихъ ошибкахъ повинны большевики—Шляпниковы, что если бы эту власть взяли въ руки мы, дѣло наладилось бы. Они не хотятъ видѣть того, что дѣло не въ томъ, какая партія у власти, а въ объективномъ положеніи, въ которомъ находится страна.

Если бы мы на Демократическомъ Совѣщаніи взяли въ свои руки власть, то отличіе нашего положенія отъ положенія большевиковъ выразилось бы въ одномъ: захватъ власти большевиками—трагедія, нашъ захватъ былъ бы трагикомедіей. Мы взяли бы власть, но такъ какъ отъ своей природы мы отказаться не можемъ, строить Россію методами большевистскаго террора неспособны, путемъ репрессій и метода устрашенія населенія мы дѣйствовать не могли бы, то, удержавъ власть нѣсколько дней, мы засвидѣтельствовали бы полное безсиліе демократіи исполнить задачу, которую она на себя взяла, и позорно ушли бы.

От. н.-с. до большевиковъ.

Остановлюсь еще на формулѣ организаціи власти „отъ н.-с. до большевиковъ", которая должна внести бальзамъ примиренія во всѣ ряды. Прежде всего я долженъ сказать, что эта формула потеряла всякое актуальное значеніе. Съ того момента, какъ соберется Учредительное Собраніе, вопросъ о томъ, какія партіи образуютъ власть, является второстепеннымъ, ибо съ этого момента правительство дѣлается исполнительнымъ органомъ Учредительнаго Собранія, а вся власть принадлежитъ послѣднему. Вы можете ежедневно мѣнять составъ правительства, создавать другія правительственныя комбинаціи, но власть остается за Учредительнымъ Собраніемъ.

Непоправимой ошибкой нашей революціи было то, что въ продолженіе такого долгаго періода времени не былъ созданъ органъ общенаціональнаго представительства, который гарантировалъ бы устойчивость дѣятельности правительства.

Разберемъ конкретно предлагаемую намъ магическую формулу организаціи правительства.

Въ него должны войти представители всѣхъ партій отъ н.-с. до большевиковъ. Прежде всего: осуществимо ли это практически? На этотъ вопросъ всѣ заявляютъ: „конечно, нѣтъ; мы знаемъ прекрасно, что это невозможно, что правительство „Чайковскій—Ленинъ" вздоръ, въ жизни такое правительство существовать не можетъ". Почему же намъ этотъ вздоръ предлагаютъ? Потому что это бальзамъ, который вольетъ успокоеніе въ волнующееся море.

Соглашеніе съ большевиками.

Какова будетъ платформа такого правительства? Намъ отвѣчаютъ: „большевики" должны „отказаться"... Отъ чего? Сему слѣдуютъ пункты: а), б) и т. д.; иначе говоря, намъ обѣщаютъ, что большевики перестанутъ быть большевиками. Сторонники этой душеспасительной формулы съ негодованіемъ отвергаютъ подозрѣніе, будто они предлагаютъ положить въ основу соглашенія платформу большевиковъ; наоборотъ, они хотятъ заставить большевиковъ принять нашу платформу. Возможно ли это? Но намъ говорятъ: да это и не важно. Пусть народъ видитъ, что мы съ большевиками всѣмъ сердцемъ готовы объединиться, а они желаютъ захватить всю власть только себѣ. Народъ это раскуситъ и повернетъ къ намъ, какъ къ людямъ съ добрымъ сердцемъ, желающимъ мира и благоденствія, а большевики останутся навѣки посрамленными. Такая наивная тактика, плодъ дипломатической стратегіи маленькаго кружка, народныя массы привлечь не можетъ; народъ въ такихъ тонкостяхъ не

разберется. Съ точки зрѣнія массъ, такая тактика, наоборотъ, будетъ обозначать другое,—что всѣ теперь идутъ за большевиками, даже меньшевики и тѣ идутъ къ нимъ, и теперь за ними вся демократія.

Мы видѣли этихъ соглашателей, викжелистовъ, лѣвыхъ с.-р. и др. на практикѣ. Что же измѣнили они политику большевиковъ? Что же это случайно? Конечно нѣтъ. Въ чемъ сила большевизма? Въ томъ, что онъ опирается на зоологическіе аппетиты, на инстинкты опредѣленныхъ слоевъ народа. Кто будетъ удовлетворять эти аппетиты, тотъ до извѣстной поры будетъ у власти, а тотъ, кто поведетъ борьбу съ ними, будетъ сметенъ. Если бы въ Ц. И. К. образовалось небольшевистское большинство, они были бы противъ Ц. И. К. и аппелировали бы къ Петроградскому Совѣту.

Итакъ, объективно, тотъ, кто говоритъ о реальномъ соглашеніи съ большевиками, долженъ дѣлать большевистское дѣло.

При этомъ нѣкоторые стыдливые люди пытаются соблюдать „аппарансы“. Когда лѣвые с.-р. ударились было въ оппозицію и протестовали противъ роспуска Петроградской Думы, то сразу появился новый декретъ о роспускѣ Думы, составленный уже съ участіемъ с.-р. Пусть молъ всѣ знаютъ, что мы самостоятельно предлагаемъ разгонять Думы. Такую же „самостоятельность“ проявляли кое—гдѣ и наши товарищи.

Гражданская война.

Въ странѣ идетъ гражданская война. Насъ допытывали съ пристрастіемъ, на чью сторону мы станемъ, напримѣръ, на Украйнѣ, гдѣ ея демократическіе органы борются теперь за свое существованіе противъ большевистскихъ отрядовъ. При этомъ товарищъ уклонился отъ отвѣта, на чьей сторонѣ будетъ онъ, сказавъ, что въ концѣ концовъ, мы не будетъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Я спрашиваю этого товарища. Вѣдь его кандидатура выставлена въ Украинское Учредительное Собраніе; онъ долженъ будетъ присягать, что онъ выступитъ въ защиту правъ Украинскаго народа, въ защиту Учредительнаго Собранія; если избиратели спросятъ его, будетъ ли онъ до конца стоять на стражѣ ихъ интересовъ, что отвѣтитъ онъ имъ?—„нѣтъ, мы не знаемъ. Мы увидимъ, въ какомъ положеніи мы окажемся въ тотъ моментъ“. Такая дипломатія для революціонной соціалъ-демократіи позоръ.

Нашъ лагерь тамъ, гдѣ борются за требованія, написанныя въ нашей программѣ, тамъ, гдѣ мобилизуются силы для осуществленія этихъ требованій. Мы поддерживаемъ движеніе демократіи, мобилизующей такія силы. Это не значитъ единый фронтъ всей демократіи. Нѣтъ, мы должны сохранять полную самостоятельность своихъ классовыхъ позицій (возгласы: „Да здравствуетъ к.-д.“). Да, я къ этой темѣ возвращаюсь. Мнѣ говорятъ: „на кого опирались Комитеты Спасенія Революціи“?

Комитеты спасенія революціи.

Стыдъ и срамъ, что въ нашихъ рядахъ могутъ принимать на вѣру ту уличную демагогію, которая разводится въ большевистской прессѣ и большевистскими ораторами, будто „комитеты спасенія“ организовали отряды какихъ то

„бѣлогвардейцевъ", юнкеровъ. Эти „бѣлогвардейцы", юнкера, которыхъ здѣсь назвали отрядами буржуазныхъ вампировъ, погромщиковъ,—въ огромной части соціалистическая молодежь, члены партій с.-р. и с.-д. Эти герои—мученики, надъ чьими могилами здѣсь позволяютъ себѣ издѣваться, по собственному почину или умирать за революцію, шли въ то время, когда кое-кто изъ почтенныхъ старыхъ революціонеровъ занимался „викселеніемъ" съ узурпаторами изъ Смольнаго, веденіемъ какихъ-то переговоровъ.

Какая платформа у Комитета Спасенія? Платформа была опредѣленная—соглашеніе всей демократіи. Это извѣстно всѣмъ, принимавшимъ участіе въ выработкѣ платформы. Но теперь, когда перемѣнилось соотношеніе силъ, „революціонеры" уже бѣгутъ за колесницей тріумфаторовъ и вмѣстѣ съ тріумфаторами оплевываютъ погибшихъ въ неравномъ бою, называя ихъ наемными контръ-революціонными агентами. Это могутъ позволить себѣ лишь люди, опьяненные лживыми фразами, которые изо дня въ день сѣются всей большевистской прессой.

Говорятъ, что нужно избѣгать столкновеній съ большевиками. Какимъ путемъ? Путемъ подчиненія? (Возгласы: „ни въ коемъ случаѣ"). Ни въ коемъ случаѣ? А когда большевики разгоняютъ Думы, отправляютъ въ тюрьмы гласныхъ Думы, въ томъ числѣ членовъ нашей партіи, и предъ разогнанной Думой встаетъ вопросъ: должна ли она оказать сопротивленіе или нѣтъ, то здравая логика, еще недавно считавшаяся революціонной, говорила бы: органы самоуправленія должны защищаться до конца. Вопросъ о методахъ защиты есть лишь вопросъ соотношенія силъ, но принципіально, морально, развѣ не прямой долгъ сопротивляться до конца? Это ясно, какъ день.

И въ цѣломъ рядѣ случаевъ будутъ происходить такія же столкновенія. Депутаты Учредительнаго Собранія пойдутъ въ Таврическій Дворецъ занять мѣсто, которое имъ приготовлено народомъ; имъ будетъ оказано сопротивленіе. Запрещаете ли вы рабочимъ выступить въ защиту депутатовъ и добиваться охраны того, за что они столько лѣтъ боролись? добиваться того, чтобы депутаты заняли мѣста, приготовленныя имъ русской революціей и народомъ? А если мы къ этому рабочихъ призовемъ, вы скажете: „вы способствуете гражданской войнѣ". Вотъ что создалось въ послѣднее время; всякая попытка сопротивленія дѣйствіямъ, направленнымъ противъ революціи и рабочаго класса, заранѣе опорочивается, говорится, что это ведетъ къ контръ-революціи, что этимъ кладется начало гражданской войнѣ. Чѣмъ объяснить такое настроеніе? Въ лучшемъ случаѣ тѣмъ, что вы являетесь жертвой величайшей исторической ошибки.

Движеніе недовольства, разлившееся по всей странѣ, охватившее широкія народныя массы, воспринимается вами, какъ стихійное соціалистическое движеніе. Забываютъ наши прежніе взгляды на сущность соціальной революціи и на возможность диктатуры пролетаріата. Часъ диктатуры пролетаріата, часъ соціализма пробьетъ только тогда, когда

промежуточные слои, мелкая буржуазія, разочаровавшись въ капиталистическомъ строѣ, перейдетъ на сторону пролетаріата и поддержитъ его; пролетаріату будетъ при этомъ принадлежать инціативная роль, но онъ будетъ опираться на сочувствіе большинства народа.

А теперь присмотритесь къ тому, что происходитъ вокругъ васъ: найдете ли вы какіе либо элементы соціальной революціи въ психикѣ массъ? Мы видимъ только развитіе колоссальныхъ аппетитовъ у разныхъ группъ, при отсутствіи даже классовой солидарности. На фабрикахъ мужчины выбрасываютъ женщинъ, другъ другу готовы вцѣпиться въ горло при обостреніи экономической борьбы. Это не признакъ того, что мы живемъ въ эпоху соціальной революціи. Совершается колоссальное заблужденіе. Если мы пойдемъ по этому пути,—мы падемъ жертвой великой исторической трагедіи, когда руками соціалистовъ будетъ приготовлено торжество контръ-революціи, полное крушеніе демократическихъ завоеваній.

Намъ говорятъ, что основа большевистскаго движенія есть классовое движеніе. Я указывалъ на пассивную роль пролетаріата при переворотѣ; позвольте вамъ процитировать мѣсто изъ газеты, авторитетность которой не подлежитъ сомнѣнію для многихъ изъ васъ. Я цитирую статью изъ „Новой жизни“, написанную авторомъ, который во всемъ настоящемъ собраніи пользуется еще нѣкоторымъ уваженіемъ:

„Дѣло заговорщиковъ заключается въ томъ, чтобы предвосхитить революціонный прогрессъ, искусственно привести его къ кризису, вызвать революцію раньше, чѣмъ будутъ созданы ея предпосылки. Единственнымъ условіемъ революціи является для нихъ соотвѣтствующая организація ихъ заговора... Они изощряются въ изобрѣтеніяхъ, которыя призваны совершить революціонныя чудеса... бунты, которые должны оказать тѣмъ болѣе чудесное и неожиданное вліяніе, чѣмъ менѣе раціональныхъ причинъ они имѣютъ за собой... они имѣютъ въ виду лишь ближайшую цѣль—низверженіе соотвѣтствующаго правительства и притомъ самымъ глубочайшимъ образомъ презираютъ теоретическое просвѣщеніе рабочихъ относительно ихъ классовыхъ интересовъ“.

А вотъ характеристика одной изъ „революціонныхъ“ фракцій:

„Вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній двигателемъ революціи для нихъ является одна воля. Мы говоримъ рабочимъ: Вы должны 15—20—50 лѣтъ вести междоусобныя и международныя войны **не только для того, чтобы измѣнить внѣшнія условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству**; вы, наоборотъ, говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать. Въ то время, какъ мы указываемъ рабочимъ на неразвитое состояніе... пролетаріата, вы самымъ грубомъ образомъ льстите... предразсудкамъ.., что, конечно, лучше содѣйствуетъ популярности. Подобно тому, какъ демократы превратили слово—*народъ* въ нѣчто священное, такъ вы дѣлаете со сло-

вомъ *пролетаріатъ*. Подобно демократамъ, вы подсовываете на мѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу".

Это писалъ Марксъ. Если вы считаете обязательнымъ для себя марксистскій анализъ, то вы цѣликомъ можете его примѣнить къ той обстановкѣ, въ которой мы находимся теперь.

Главный практическій доводъ сторонниковъ безоговорочнаго участія въ „совѣтахъ" слѣдующій: Кто хочетъ быть съ массами, тотъ долженъ итти въ Совѣтъ. Эта попытка установить тождество между массой и Совѣтомъ—вздоръ. Даже въ крупныхъ центрахъ рабочія массы, какъ таковыя, не группируются вокругъ Совѣтовъ. Это вы знаете сами. Сказать, что кто не пошелъ въ Совѣтъ, тому заказаны пути къ массамъ, совершенно неправильно. Широкая масса остается за предѣлами Совѣтовъ. Даже сами пленарныя совѣтскія собранія страдаютъ колоссальнымъ абсентеизмомъ рабочихъ.

Второй доводъ: Совѣты—классовая организація. Ораторъ, сказавшій это, потомъ поправился: „нѣтъ, не классовая организація, а организація, защищающая классовые интересы рабочихъ". Подобнаго рода утвержденія свидѣтельствуютъ объ отсутствіи яснаго представленія о сущности классовыхъ рабочихъ организацій. Правда, рабочій классъ сдѣлалъ изъ Совѣтовъ сильное революціонное оружіе и въ этомъ крупное историческое значеніе Совѣтовъ, но заявлять, что они являются классовой организаціей, значитъ плодить недоразумѣнія.

Кто-то пытался истолковать мой взглядъ такъ, будто я предлагаю распустить Совѣты. Я не принадлежу ни къ большевикамъ, ни къ тѣмъ, кто симпатизируетъ большевистскимъ методамъ „революціоннаго творчества", и бороться съ отживающей формой организаціи рабочихъ путемъ изданія декретовъ о роспускѣ Совѣтовъ я не предлагалъ Я только говорю, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Совѣты превратились въ органы власти, и ихъ именемъ ведется походъ противъ демократіи, въ Совѣтахъ намъ не мѣсто. Мы должны рѣшительно бороться противъ того, что творится въ Совѣтахъ. Тѣ, которые дорожатъ резонансомъ, который ихъ слово получитъ въ массахъ, когда они въ Совѣтахъ будутъ выступать, какъ представители меньшинства—должны помнить, что въ массахъ будутъ говорить за себя дѣла, которыя дѣлаетъ Совѣтъ, и эти дѣла будутъ лучшимъ агитаціоннымъ матеріаломъ противъ нихъ. Поэтому, въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Совѣты стали большевистскими, отъ нихъ нужно рѣшительно отмежеваться.

Наша тактика въ органахъ самоуправленія была во многихъ случаяхъ невѣрная. Соц.-дем., получившая такое вліяніе въ органахъ самоуправленія, должна была доказать населенію, что демократія способна къ творчеству. Но мы слишкомъ много занимались въ думахъ политическими дебатами. Конечно, устранить политику нельзя было въ этотъ моментъ. Но она господствовала. И когда пришли большевистскіе комиссары и стали разгонять органы самоуправленія, то населеніе не встало на защиту тѣхъ, кто организовалъ жизнь, кто представлялъ собой новый демо-

кратическій порядокъ. На защиту органовъ самоуправленія не всталъ никто. Въ этомъ отчасти виноваты и мы, тѣмъ, что не сумѣли связать эти органы съ широкими народными массами. За эту ошибку намъ придется долго расплачиваться.

Когда ставится вопросъ, какой организаціи должно быть оказано предпочтеніе—Совѣтамъ или органамъ самоуправленія, я долженъ со всей категоричностью сказать, что, когда Совѣты будутъ покушаться на право органовъ всенароднаго представительства, мы должны со всей энергіей выступать на ихъ защиту. Здѣсь нѣкоторые товарищи обвиняютъ насъ въ томъ, будто мы фетишисты общедемократическихъ представительныхъ органовъ и становимся на точку зрѣнія защиты ихъ во что бы ни стало. Вздоръ! Мы потому защищаемъ ихъ, что это лучшіе органы для защиты классовыхъ интересовъ, классовыхъ позицій пролетаріата. (Возгласы: „это азбука“). Приходится напомнить азбуку тѣмъ, кто ее забылъ. Ляпсусъ Плеханова о всеобщемъ избирательномъ правѣ, который уже въ 1903 г. на съѣздѣ вызвалъ негодованіе, повторяютъ теперь въ 1917 г., когда пролетаріатъ долженъ былъ успѣть оцѣнить, что ему даетъ демократическій строй. Сегодня, когда мы подъ сапогомъ узурпаторовъ, разогнавшихъ всѣ демократическія учрежденія, намъ говорятъ: демократическія учрежденія—цѣнность относительная и нужно быть либераломъ, чтобы выступать безоговорочно въ защиту „свободъ“, которыя по лапидарному выраженію большевиковъ являются „буржуазными предразсудками“. И эти взгляды распространяются настолько сильно, что проникаютъ въ наши собственные ряды. Съ этимъ нужно безусловно бороться, такъ какъ это одно изъ проявленій торжествующей контръ-революціи, которая закрадывается въ нашъ собственный лагерь.

Какова же должна быть наша тактика?

Мы должны въ первую очередь бороться за сохраненіе демократическихъ завоеваній революціи, которыя въ данный моментъ являются цѣнностью самодовлѣющей, такъ какъ съ потерей этихъ завоеваній мы будемъ себя чувствовать, какъ рыба, выброшенная на берегъ; дѣйствовать въ обстановкѣ отсутствія демократическихъ органовъ мы не можемъ.

Мы должны быть въ первыхъ рядахъ защитниковъ органовъ всеобщаго избирательнаго права, самоуправленія и Учредительнаго Собранія. Устранимъ то позорное положеніе, когда наши очень „революціонные“ товарищи смотрятъ подозрительно на органы защиты Учредительнаго Собранія. Нѣтъ, мы должны быть на первомъ посту тамъ, гдѣ дѣло идетъ о защитѣ демократическихъ завоеваній революціи. И если на эти завоеванія подымается брутальная физическая сила, то вопросъ о методахъ борьбы есть вопросъ исключительно цѣлесообразности и соотношенія силъ. Если у насъ силъ не будетъ, мы на авантюры не пойдемъ. Если же у насъ силы будутъ—мы будемъ защищать завоеванія революціи. Я не боюсь отвѣтить на вопросъ т. Х. Если я буду за Укайнѣ и, на Украинское Учредительное Собраніе пойдутъ походомъ большевистскіе башибузуки, то

я буду среди тѣхъ, которые всѣми способами будутъ до конца стараться предотвратить кровопролитіе и не допустить гражданской войны. Но если битва будетъ неизбѣжна, я боюсь, что мы съ т. Х. окажемся по разныя стороны баррикады.

Меня спрашиваютъ, какую правительственную комбинацію я призываю поддержи-ать. Я отвѣчаю: для меня безразлично, какая будетъ правительственная комбинація. Мы будемъ поддерживать то правительство, которое будетъ проводить законы въ интересахъ рабочаго класса. Можетъ быть рядъ случаевъ, когда мы, соц.-демократы, въ интересахъ рабочаго класса будемъ поддерживать временный блокъ съ участіемъ к.-д. и с.-р., въ другихъ случаяхъ—блокъ съ эсерами и большевиками.

Но послѣднее не реально: большевики смогутъ уцѣлѣть въ Учредительномъ Собраніи лишь постольку, поскольку часть ихъ публично отречется отъ своихъ лидеровъ и не потому, что мы этого потребуемъ, а потому, что Учредительное Собраніе будетъ работать въ такой обстановкѣ, что иное положеніе будетъ невозможно психологически.

Т. Ч. предлагаетъ другой исходъ. Онъ предлагаетъ то, что обыкновенно говорятъ большевики „Мы, говорятъ они, не будемъ разгонять Учредительнаго Собранія, но оно не должно вступать въ конфликтъ съ Правительствомъ Народныхъ Комиссаровъ. Если же вы вступите въ борьбу съ Правительствомъ Народныхъ Комиссаровъ, значитъ вы зовете къ гражданской войнѣ и должны быть разогнаны".

Но нельзя одновременно признавать суверенной и волю Учредителнаго Собранія и волю Народныхъ Комиссаровъ. Тѣ, которые захотятъ творить волю народа, не смогутъ существовать при большевистскомъ Правительствѣ. Это ясно какъ день. Поэтому мы должны требовать представленія всей власти Учредительному Собранію, которое и образуетъ законное Правительство въ странѣ, а всѣ комиссары всѣхъ ранговъ, видовъ и родовъ оружія должны быть сметены. Наша позиція—полная самостоятельность Учредительнаго Собранія.

Здѣсь пытались бросать словечки о нашемъ „единомъ фронтѣ съ кадетами". Когда арестовываютъ Кокошкина и Шингарева, которые мужественно стоятъ на стражѣ демократическихъ завоеваній революціи, мы считаемъ своимъ долгомъ чести выступить въ защиту этихъ людей, и если вы это считаете кадетскимъ фронтомъ, то я долженъ сказать: мы покрыли бы себя позоромъ, еслибъ мы на это не шли. Это фронтъ демократическій. Кто читалъ мою рѣчь, произнесенную въ Совѣтѣ Республики, направленную противъ к.-д., тотъ знаетъ, какова моя позиція. Но я еще разъ говорю, что пока к.-д. будутъ защищать демократическія завоеванія революціи, мы не боимся того, что они будутъ въ томъ же лагерѣ, въ которомъ будемъ и мы. Огромная масса городского населенія, которая голосовала за к.-д., не принадлежитъ къ лагерю контръ-революціи.

Перехожу къ послѣднему, къ необходимости принимать всѣ мѣры къ защитѣ классовыхъ позицій пролетаріата. Здѣсь

распространенъ взглядъ, что защита классовыхъ позицій пролетаріата монополія большевиковъ. Товарищи, рабочій классъ не имѣетъ теперь большаго врага, чѣмъ большевики. Они разрушили рабочія организаціи, разрушили профессіональные союзы и психологически уничтожили самую возможность примѣненія классовыхъ методовъ экономической борьбы. И когда стихійная волна спадетъ, произойдетъ демобилизація арміи, начнется отрезвленіе массъ, а страна будетъ стонать подъ игомъ большевизма,—тогда только обнаружится, что они организаціи рабочаго класса разрушили, а мы не успѣли ихъ возсоздать. Поэтому наша задача—создавать классовыя организаціи, укрѣплять ихъ и бороться съ господствомъ въ нихъ большевистскихъ настроеній.

Если революція идетъ къ окончательному краху, то во всякомъ случаѣ мы, первые поднявшіе знамя революціи въ Россіи, будемъ послѣдними, которые уйдутъ съ боевыхъ постовъ. Мы не дадимъ подъ соціалистическимъ знаменемъ подавить русскую революцію со всѣми ея завоеваніями.

Послѣсловіе.

Больше двухъ мѣсяцевъ прошло со времени прочтенія мною выше напечатаннаго доклада.

За эти два мѣсяца успѣлъ обнаружиться подлинный смыслъ „соціалистическаго“ октябрьскаго переворота.

И что же? подтвердился ли установленный мною прогнозъ, оправдалась ли данная мною характеристика большевизма?

Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ бѣглый обзоръ политическихъ событій за послѣдніе два мѣсяца.

„Контрреволюція“ разбита на всѣхъ фронтахъ. Разорены всѣ ея „гнѣзда“. Мужественно погибъ Калединъ, чьимъ именемъ старались окрестить всякое движеніе сопротивленія большевизму. Настала казалось бы пора для полнаго торжества демократіи...

А между тѣмъ?..

Учредительное Собраніе разогнано, и всякая попытка его созыва вызываетъ разстрѣлы со стороны „соціалистическаго“ правительства.

Всѣ органы демократическаго самоуправленія разогнаны „навсегда“, а руководящія группы гласныхъ (главнымъ образомъ соціалистовъ) во многихъ мѣстахъ ввержены въ узилища.

Всѣ столичныя газеты и большая часть провинціальныхъ закрыты.

Выступленія на собраніяхъ членовъ не большевистскихъ соціалистическихъ партій связаны съ опасностью самосудовъ организованныхъ („революціонные трибуналы“) и неорганизованныхъ. Во многихъ городахъ для вящшаго укрѣпленія въ сердцахъ гражданъ принциповъ „свободы совѣсти“ разстрѣляны мирныя религіозныя процессіи.

Наиболѣе видные центральные и мѣстные дѣятели меньшевики и эсэры должны были перейти на нелегальное положеніе.

Кому же живется весело, вольготно на „совѣтской“ Руси?

Увы, даже не всѣмъ Совѣтамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „совѣты“ не окончательно превратились въ полицейскія кордегардіи и въ организаціи „грабежа ограбленнаго“, спеціально выдѣляемые военно-революціонные комитеты вступаютъ съ этими совѣтами въ острые конфликты, а во многихъ мѣстахъ разгоняютъ эти „верховные“ органы силой оружія, а членовъ исполнительныхъ комитетовъ арестовываютъ (Витебскъ, Елисаветградъ, Бахмутъ, Луганскъ и мн. др.) Даже съ своими собственными большевистскими Совѣтами не церемонятся при малѣйшемъ ихъ притязаніи на тѣнь самостоятельности (конфликтъ между „совѣтами“ и комиссарами въ Харьковской губ).

Таковы методы управленія той „сильной“, „однородной“ власти, по которой такъ страстно воздыхали многіе изъ нашихъ друзей.

Но быть можетъ при помощи этой „желѣзной“ диктатуры удалось преодолѣть или по крайней мѣрѣ смягчить хозяйственную разруху? Сломить сопротивленіе и „саботажъ“ со стороны капитала?

Полный развалъ всей промышленности и торговли, крахъ всего народнаго хозяйства, окончательный параличъ транспорта—вотъ прямые результаты большевистской диктатуры. Буржуазія, которой грозные диктаторы „наступили колѣномъ на грудь“, очень быстро и ловко приспособилась къ новому „соціалистическому“ строю. А рабочему классу „диктатура пролетаріата“ даетъ только сказочный ростъ дороговизны и одновременное всеобъемлющее расширеніе безработицы.

Таковы плоды внутренней политики большевиковъ.

Но зато въ области внѣшней политики даже скептики ждали чудесъ отъ прямолинейности и „безпощадности“ большевиковъ. Даже многіе изъ ихъ противниковъ въ душѣ радовались тому, что наконецъ то будетъ разрубленъ гордіевъ узелъ безнадежно запутавшихся международныхъ отношеній.

И вотъ результаты этой политики.

Дѣйствительно, большевиками самымъ циничнымъ образомъ были попраны въ этой области не только „буржуазные предразсудки“, но и самые элементарные соціалистическіе принципы. Люди, съ великолѣпнымъ революціоннымъ презрѣніемъ отвергавшіе самую мысль о соціалистической конференціи съ „разными Шейдеманами“, съ большой готовностью и сердечностью вели переговоры съ Гофманами, Кульманами и Черниными.

Началось съ опубликованія ужасныхъ „тайныхъ договоровъ“. Какое море лжи и самой безстыдной демагогіи создали вокругъ требованія объ опубликованіи „тайныхъ договоровъ“! А когда эти „страшныя“ тайны были разоблачены, какими одураченными должны были себя почувствовать всѣ подавшіеся на эту удочку демагогіи! Ибо во всѣхъ

этихъ документахъ не было ничего, что не было бы и до тѣхъ поръ извѣстно любому грамотному читателю газетъ. Тѣмъ хуже для этихъ документовъ, но зато великому позеру Троцкому удалось сдѣлать великолѣпный „жестъ“.

Послѣ этого потрясенія основъ буржуазной дипломатіи послѣдовалъ еще болѣе „революціонный“ шагъ—начало сепаратныхъ переговоровъ о мирѣ съ Германской коалиціей. А чтобы сдѣлать свое миролюбіе болѣе убѣдительнымъ, былъ отданъ приказъ о заключеніи перемирія на всѣхъ фронтахъ по—ротно, и была начата полная демобилизація арміи.

Кюльманъ и компанія охотно вели безконечныя остроумныя дискуссіи съ Троцкимъ. Но когда все было подготовлено, и когда способные ученики большевиковъ—дипломаты. Рады, околпачивъ великолѣпнаго Троцкаго, заключили сепаратный миръ для Украйны, нѣмцы быстро перешли отъ „оружія критики“ къ „критикѣ оружія“.

Фальшивая и неискренняя (ибо никакъ не вязавшаяся съ переговорами о сепаратномъ мирѣ) ставка на соціальную революцію въ Европѣ была бита.

Началось позорное и смѣхотворное метаніе изъ стороны въ сторону. „Священная война“, потомъ „непротивленіе“ толстовскаго Ивана дурака, призывъ къ полной демобилизаціи фронта, а на слѣдующій день приказъ о всеобщей мобилизаціи; одной рукой подписываются пламенные призывы къ „красной арміи“ разгромить германскихъ „бѣлогвардейцевъ“, а другой подписывается новый мирный договоръ, превзошедшій по своему позору все, что могла нарисовать самая пылкая фантазія.

И наконецъ, покорная, безоружная, разоренная гражданской войной и обезкровленная революціонная Россія отдана на волю побѣдителей германскихъ юнкеровъ имперіалистовъ.

Таковъ эпилогъ „безпощадной“ внѣшней политики нашихъ безподобныхъ „коммунистовъ“ Ленина и Троцкаго!

Не правда ли, какъ близко напоминаетъ эта политика беззавѣтный героизмъ великихъ борцовъ Парижской коммуны?

Но этотъ позорный эпилогъ, къ сожалѣнію, не развязка переживаемой нами трагедіи.

Большевистская власть оказалась болѣе долговѣчной, чѣмъ мы предполагали. Мы были о ней слишкомъ хорошаго мнѣнія. Мы думали, что, убѣдившись въ своей полной неспособности честно уплатить по выданнымъ векселямъ, большевики сами объявятъ себя банкротами.

Увы, наши надежды не оправдались.

Жажда власти у этой кучки авантюристовъ оказалась настолько сильна, что въ борьбѣ за ея удержаніе въ своихъ рукахъ они не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ.

Они давно попрали самые основные принципы соціализма и демократіи, попрали основныя положенія своей собственной большевистской тактики.

Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что затяжному характеру большевистской эпопеи много способствовали и наши собственныя тактическія ошибки. Развѣ не ясно теперь для всѣхъ, какое идейное опустошеніе въ нашихъ собствен-

ныхъ рядахъ произвелъ намъ пассивный нейтралитетъ по отношенію къ тому поруганію соціализма, демократіи и революціи, которое изо дня въ день происходитъ въ тѣхъ самыхъ „совѣтахъ", въ которыхъ мы принимаемъ участіе? -

Но сдвигъ въ настроеніи рабочихъ массъ, предсказанный мною въ моемъ докладѣ, уже намѣтился очень рѣзко Полное крушеніе большевистской „мирной" политики еще ускоритъ процессъ отрезвленія.

И въ настоящій моментъ интересы рабочаго движенія, будущее нашей соціалъ-демократической партіи, честь нашего знамени—властно требуютъ отъ насъ принципіальной стойкости и выдержки.

Нужно безпощадно разоблачать всю ложь большевизма, срывать съ этого движенія его соціалистическую и коммунистическую маску. И вмѣстѣ съ тѣмъ широкой агитаціонной и организаціонной работой среди рабочихъ массъ вновь создавать сплоченные кадры рабочей соціалъ-демократической партіи.

Мы вступили въ полосу подлинной жестокой реакціи. Нужно спѣшить спасти все что возможно изъ завоеваній революціи. Но для этого нужно прежде всего дать рабочему классу ясное и трезвое представленіе объ окружающихъ его общественныхъ отношеніяхъ. **Ибо опаснѣе всякаго обмана—самообманъ.**

Только освободившись отъ большевистскаго гипноза, рабочій классъ сможетъ достойно и во всеоружіи встрѣтить надвигающіяся на него испытанія.

М. Либеръ.

21/II (6/III), 1917 г.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ОИК-57053

Маг. 28
3 р.

Вышли того же автора:

1. **Задачи рабочаго класса въ Русской революціи**, изд. Трауцкой, Москва, цѣна 50 коп.

2. **Политическая автономія областей и задачи соціалдемократіи**, изд. „На стражѣ“, Екатеринославъ.

3. **Слова и дѣла большевиковъ**, изд „На стражѣ“, Екатериносл.

Цѣна 60 коп.